

Людмила Тамирина

# ЭРА СЧАСТЬЯ



*Концентрат теорий счастья,  
чтобы никто не ушел обиженным*

16+

Мила Тамарина

**Эра счастья**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Тамарина М.**

Эра счастья / М. Тамарина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Роман открывает дверь в мир, где сбылись мечты человечества о счастье. Под руководством психофизиолога Киры ученые пытаются понять, что за артефакт попал к ним в руки. По всем признакам он приносит счастье. Казалось бы, бери и раздавай всем-всем, но Киру сдерживают научные факты... За «счастьем» начинается настоящая охота. Его жаждут получить и политики, и сектанты, и обычные люди. Сопrotивляясь властным героям, Кира стремится сохранить свободную волю людей. Но хотят ли этого сами люди? Кто победит в этой борьбе? Кто завладеет уникальным артефактом? И сможет ли каждый герой найти собственное счастье? Внимание! В книге концентрат теорий о счастье, чтобы никто не ушел обиженный! ;)

# Мила Тамирина

## Эра счастья

**Людмила Тамирина**

**Эра счастья**

УДК 82-312.9

ББК 83.3std1-444.51

T17

**Тамирина, Людмила.**

T17 Эра счастья / Людмила Тамирина. – Москва: Издательство ..., 2021. – 226 с.

ISBN:

Роман открывает дверь в мир, где сбылись мечты человечества о счастье. Под руководством психофизиолога Киры ученые пытаются понять, что за артефакт попал к ним в руки. По всем признакам он приносит счастье. Казалось бы, бери и раздавай всем-всем, но Киру сдерживают научные факты...

За «счастьем» начинается настоящая охота. Его жаждут получить и политики, и сектанты, и обычные люди. Сопrotивляясь властным героям, Кира стремится сохранить свободную волю людей. Но хотят ли этого сами люди? Кто победит в этой борьбе? Кто завладеет уникальным артефактом? И сможет ли каждый герой найти собственное счастье?

*Внимание! В книге – концентрат теорий о счастье, чтобы никто не ушел обиженный! ;)*

УДК 82-312.9

ББК 83.3std1-444.51

ISBN:

Редакторы: Марина Мартынихина, Анна Асеева.

Компьютерная верстка: Максим Апанасюк.

©Людмила Тамирина, текст, 2021.

*По любым вопросам: MilaTamarina@gmail.com*

\*\*\*

Кира постучала и после приглашения с радостным предвкушением открыла дверь.

– Здравствуйте, Виктор Иванович.

– О! Кирочка вернулась! – пожилой человек посмотрел поверх очков и благодушно всплеснул руками. – И как я был здесь один без тебя так долго? Не знаю.

– Что вы, Виктор Иванович! Меня и не было-то всего три недели. Неужели соскучились?

– Конечно.

Его голос переменялся и стал торопливым:

– Ну, давай хвастайся! Первая премия страны как-никак!

– Ну да... – она немного растерялась, сама не зная почему. Ее исследования высоко оценили многие ученые на последнем конгрессе по проблемам человечества, и для нее лично это было самое серьезное достижение за всю жизнь.

– Ну да, – эхом повторил за ней руководитель и засмеялся. – Сюда скоро сбежится весь институт, как только увидит твой пропуск вновь активированным! Кстати, на завтра намечена

пресс-конференция с поздравлениями от нашего руководства, речами, премиями и банкетом по случаю такой победы.

Кира смущенно улыбнулась:

– Но это не только моя заслуга, Виктор Иванович! Ведь это вы помогли мне, пока шли исследования. Сколько каверзных вопросов задали! Сколько я ночей не спала, все думала, что если вы правы, тогда ноль толку от моей теории и всех этих экспериментов, но всегда оказывалось, что каждый ваш вопрос – это ключик, подсказка для новых открытий. Только благодаря вам было сделано так много и так основательно.

– Да бросьте вы, Кира Венедиктовна, – он махнул рукой и криво усмехнулся, – если бы каждый человек, которому я задаю вопросы, приносил какую-то пользу хотя бы нашему институту, я уже не говорю о стране, мне действительно можно было выразить благодарность... Так что, Кира, поздравляю с заслуженной премией!

В институте все давно привыкли, что Виктор Иванович, в силу своих преклонных лет, к любому сотруднику относился по-отечески и обращался на «ты», однако, стараясь разделить формальное и неформальное общение, он переходил на «вы» в моменты, которые этого требовали. Он пожал руку девушке и пригласил жестом садиться.

Кабинет академика Коренева, заведующего психофизиологической лабораторией при Институте уфологии, был все таким же: просторным и каким-то древним, располагающим к философствованию и размышлениям, – только на столе и на полу вокруг стола добавилось папок с бумагами. Лицо Виктора Ивановича стало серьезным, и Кира поняла, что приветственная тирада окончена и сейчас речь пойдет о чем-то важном, наверное, о том, что произошло за эти дни в лаборатории.

– А что, Кира, за событиями в институте совсем не следили? – пытливо прищурил глаз наставник.

– Нет. Некогда как-то было, каждую минутку старалась на благо... Книги, материалы вот привезла... – она осеклась, потому что понимала – сейчас не об этом. Что-то она пропустила. – А что случилось? У нас что-нибудь... Что-нибудь нашли?

Виктор Иванович усмехнулся.

– Нашли, – он вздохнул. – Нашли такое, что и не потеряешь...

Он немного помедлил, рассматривая пыль на полу.

– Я вам расскажу сейчас, что в связи с этой находкой произошло в институте, а вы мне сами и ответите, что мы могли найти.

Кира пожала плечами в знак согласия, подумав, что нашли опять какие-нибудь новые побрякушки, которые «продвинут человечество вверх по лестнице технического прогресса». Из Зоны чего только не перетаскали за эти годы, как только не изучали, не дискутировали... Что на этот раз?

– Так вот. Начнем с главного. Во-первых, новое здание, которое мечтала заполучить себе администрация, распоряжением сверху отдается лаборатории психофизиологии, то бишь нам. Все шесть этажей, – Виктор Иванович сделал паузу и взглянул на Киру поверх очков так, как будто это она отдала здание, чем совершила огромный проступок, недостойный психофизиолога ее ранга и звания. Он встал и начал расхаживать по кабинету, меняя от факта к факту направление движения.

– Во-вторых, распоряжением сверху же штат сотрудников расширяется с шести человек до пятидесяти, в который входят медики, и в их числе неврологи, психиатры и психотерапевты. А кроме того – психологи, физиологи, педагоги, социологи и даже несколько крупных философов. Заведующим расширенной обновленной лабораторией назначается академик Виктор Иванович Коренев, ну, то есть я. Замам заведующего – кандидат психологических наук, доцент с первой премией конгресса Кира Венедиктовна Воинова, ну, то есть вы, моя дорогая.

До Киры с трудом доходило, что говорил руководитель, и она судорожно соображала, что же такое могло произойти, что работы стало в десять раз больше по сравнению с прошлым. Но ведь и раньше не бездельничали! Так что же случилось?

– В-третьих, нам везут какое-то супер-пупер оборудование, о предназначении которого я могу только догадываться, – зав улыбнулся, – да и то по словарям. Между прочим, за счет Минфина, а мы, как вы помните, до сих пор находились на довольствии совсем у другого ведомства. Это – в-четвертых. В-пятых, сюда едет госкомиссия знакомиться с нашими докладами о проделанной работе уже через месяц, а всего сроку на изучение нам дано три месяца, за которые мы и должны развернуться в полный рост. Во все шесть этажей. И представить детальный отчет о той самой причине, которая и побудила всех нас к столь бурной деятельности.

Он остановился посреди кабинета, как бы подсчитывая в уме, все ли подсказки к загадке он изложил.

– Ну, конечно, как всегда, усиливается охрана вокруг нашей находки, – он продолжил неспешное движение, – но не как обычно, а втрое. За несанкционированный доступ к объекту – уголовная ответственность. Благо теперь доказывать ничего не надо – все будет на лице написано. Кроме того, ужесточили наказания за и без того единичные походы в Зону Посещения без спецразрешения вплоть до лишения жизни. Это – в-шестых.

Кира мрачнела все больше и больше, однако Виктор Иванович не собирался этого замечать и продолжал неумоимо мерить шагами кабинет.

– В-седьмых, всем сотрудникам лаборатории обещан бесплатный доступ к благам объекта по окончании эксперимента, если будет доказано его положительное свойство.

– Значит, его собираются продавать? – среди серой массы замешательства в голове Киры начали зарождаться какие-то мысли.

– Что вы сказали? – наставник опять остановился, сбитый со счета, и, склонив голову на бок, как сова, уставился на Киру.

– Я говорю, что если объект обещан в качестве награды, значит, вообще он имеет какую-то ценность и его планируют продавать?

– Верно мыслите, – Виктор Иванович шагнул к креслу напротив. – Что ж. Больше не подсказываю. Размышляйте, коллега, тем более что вам теперь предстоит делать это уже в новой должности, а значит, на порядок чаще и шире. Кстати, ваше предположение полностью оправдывает заинтересованность нами Минфина!

– Да... – мысли Киры под лавиной такой информации поначалу не приносили результата. – Что же такое можно было найти? Чем можно так сильно озаботиться, что раздуть штат в десять раз, профинансировать и пообещать этим же заплатить? Нам всем это очень нужно? Ну, в смысле, этот объект или свойства его, которые моментально отражаются на лице, как вы только что заметили, кажется, в-шестых? – она с сомнением смотрела на Виктора Ивановича, разводя руками.

– Представьте себе, милочка, к этому стремится все человечество – как в совокупности, так и каждым отдельным индивидом!

– Вот как... – она улыбнулась, в ее глазах появилась хитринка. – Неужели деньги?

– Ну-ну, Кирочка! Бросьте вы эти финансы! Богу богово, кесарю кесарево. Мыслите глобальнее!

– Да ничего другого мне на ум не приходит, – она улыбнулась. – Вот и Минфин нами заинтересовался, значит, собирается на этом новом феномене деньги делать. Тем более что сроки даны абсолютно катастрофические! Физики, вон, годами с каждой блестящей штучкой возятся, а нам буквально минуты на размышление. Деньги вы нашли! Ну или их источник, или очень удобный способ их делать. Поэтому и времени на исследования так мало: раздавай да богачей. А что еще нужно всей планете, кроме денег? Разве не ими бредит каждый человек? Разве не этого жаждет? Нет? А чего тогда?

– Счастья...

– Ну, счастья, само собой, – она отмахнулась, пропустив мимо ушей ответ на загадку, и продолжала философствовать, – только оно гораздо сложнее денег, хотя тоже есть некоторое сходство. Счастье, например, никогда не бывает полным, так же, как денег никогда не бывает много. И кончается оно тоже слишком быстро...

– Кира...

– Что?

– Я уже ответил вам.

– Что ответили?..

– Я ответил вам, что за объект мы нашли.

Кира виновато улыбнулась, ничего не понимая.

– Все ищут. А мы нашли. И теперь изучать будем, чтоб насладиться им вдоволь потом, после эксперимента, и, возможно, за весьма скромную плату. Вы будете смеяться, уважаемая Кира Венедиктовна, но мы нашли счастье.

– Хорошая шутка, – она показательно расхохоталась. – Небось, всю эту сказку вместе с Корсаком придумали, чтобы меня разыграть, а я поверила! А! Молодцы!

Виктор Иванович сидел в кресле неподвижно, внимательно глядя поверх очков и не пытаясь переубедить. Сейчас Кира сама все поймет.

И действительно, девушка перестала смеяться и ответила веселым взглядом, что оценила шутку по достоинству. Ведь она всерьез поверила! И даже испугаться успела. Но видя, что наставник остался невозмутимым, она начала осознать, что не в его правилах заниматься подобными розыгрышами.

«Но что тогда? – забеспокоилась снова Кира. – Какое такое „счастье“ могли найти в Зоне? Или, может быть, это всего лишь метафора?»

– Объясните, – она снова стала серьезной и сосредоточенно посмотрела на заведующего. – Что вы на самом деле нашли и почему решили, что это счастье.

\*\*\*

Виктор Иванович шел немного впереди:

– Для научных исследований этой находке решили дать рабочее название «Объект „Эс Икс“», ибо ненаучно называть невесть что сразу «счастьем». Все подробности вы найдете в исходных материалах в своем новом кабинете в новом здании. Нам пришлось пройти столько проверок, потому что в первую очередь сюда перевезли и разместили это самое «счастье». Однако все формальности уже позади, и теперь вы знакомы со всеми этапами доступа в лабораторию. Для вас этот процесс будет повторяться ежедневно, и даже несколько раз в день – как часть вашей работы. А вот и камера хранения. Постоянный доступ будет только у нас с вами, все остальные сотрудники должны будут получать официальное разрешение от меня после проверки необходимости и полной обоснованности предложенных экспериментов. Все чрезвычайно серьезно. Ведь мы не знаем, что это.

Наставник открыл бронированную дверь комнаты-сейфа при помощи ключей и именной магнитной карты, после чего сигнализационная система потребовала идентификации отпечатков пальцев. Далее следовала еще одна дверь. Процедура полностью повторилась. Внутри комнаты находился только ящик из толстого пуленепробиваемого стекла с «объектом».

– Вот, взгляни: некий шар, сантиметров пять в диаметре, светится, будто в нем лампочка, но это не есть его основная характеристика. Дело в том, что когда складываешь ладошки лодочкой, как будто милостыню просишь, он плывет к тебе прямо в руки. При соприкосновении с кожей человека свет как бы растворяется, а сам субъект становится счастливым. Сейчас мы как раз наблюдаем двоих таких людей. Это сталкеры.

– Сталкеры? – усомнилась Кира.

– Сталкеры, – небрежно отмахнулся он. – Но это не наша с вами забота. Они-то и принесли из Зоны эту находку нам на радость, чтоб мы зря зарплату не получали...

– Виктор Иванович, вы так говорите, как будто не рады этой находке? С ней что-то не так? – Кира рассматривала светящийся шар за стеклом. – Скажите свое мнение. Я должна знать.

– Вот еще! С чего ты взяла, что я не рад? – глаза учителя устало посмотрели на девушку. – Хотя, собственно, чему радоваться-то? Я не могу понять и объяснить это странное явление. Скорее я буду испытывать злость и раздражение, чем что-то позитивное...

Они вышли из сейфа, который автоматически блокировал все замки и активировал сигнализацию, и направились дальше по коридору.

– А что вы понимаете под счастьем? – Кира продолжила оборвавшийся разговор. – Как его объясняете?

– Так же, как любой другой психолог или медик-физиолог: мы видим поведение, характерное для состояния счастья или эйфории. Это и выработка гормонов, и токи мозга, и общее психофизиологическое состояние. При этом человек продолжает жить своей обычной жизнью, которая теперь является счастливой.

– Чем же наш объект отличается от антидепрессантов, которые мы знаем на сегодняшний день? Ну, не считая его оригинальной формы и упаковки...

– Антидепрессанты, даже самого последнего поколения, не дают стойкого эффекта и всегда вызывают побочное действие. Этот же объект никакой «побочки» до сих пор не вызвал, хотя это еще предстоит доказать. Его влияние уже сегодня по длительности и эффекту превосходит все самые лучшие антидепрессанты.

– То, что вы описали, в общих чертах можно определить как антидепрессант пролонгированного действия нового поколения. Только и всего. Обратного пока не доказано.

– Это верно, – согласился академик со словами Киры, как с простейшей арифметикой, и, как бы желая охладить ее пыл и заставить думать не только в терминах физиологии, а немного глубже, добавил:

– Но механизмы действия этого, как вы изволили выразиться, «антидепрессанта нового поколения» и взаимоотношение всех норадрен-, дофамин-, серотонин-, холинергических систем, а также нейропептидов, включая эндогенные опиаты, или, может быть, чего-то до сих пор неизвестного, вам придется еще изучить и обосновать.

Некоторое время они шли молча.

– Но самое поразительное в том, – как ни в чем не бывало продолжил Виктор Иванович, – что оно делится. Входит, к примеру, в комнату три человека, и вместо одного мы видим три визуально одинаковых шарика.

– Что вы говорите?!

– В этом и парадокс. Поэтому я и не могу назвать его ни веществом, ни энергией: они, как известно, не появляются и не исчезают бесследно. Хотя после всех исследований Зоны законы термодинамики нарушаются сплошь и рядом. Но я не могу поверить, что теперь беззаконию подвергается не только наша физическая реальность, но и психическая.

Он немного помолчал и добавил тихо:

– Меня иногда это даже пугает.

– Быть может, это не беззаконие, а новый закон?

– Не отрицаю, однако же, закон, опровергающий собой все прочие, не может быть безобиден для науки. Это переворот. Революция. И я бы не стал называть *его* скромным медицинским термином «антидепрессант пролонгированного действия».

Кира пропустила мимо ушей последнее ироничное замечание учителя и вдруг остановилась:

– Да... А вы не предполагали, что оно разумно?

– В каком смысле?

– Ну а как же оно может понимать, на сколько частей разделиться? И, кстати, что является ему преградами, почему оно при нас не разделилось надвое? Или оно за стеклом нас не увидело?

– У меня есть предположения, которые также надо проверять. Возможно, оно «чувствует» тепло человека, может, не тепло, а белки. Можно рассуждать и в терминах элементарной физики, и в терминах нейрохимии. Но если можно так выразиться, в ответ на это оно реагирует делением. Однако обычные хирургические перчатки способны его остановить – вы не приобретете счастья. Что это значит, я сам пока не понимаю. Однако для него любая преграда, самая ничтожная, становится непреодолимым барьером на пути к человеку. Я даже пробовал размышлять о том, что оно способно учитывать выбор человека, принимать этот выбор и следовать ему.

Виктор Иванович помассировал руки и, глядя куда-то далеко, намного дальше, чем позволяли стены, продолжил:

– Однажды, когда я еще преподавал в вузе, подошел ко мне один студент и со всей серьезностью, на которую только был способен, задал мне вопрос о разумности бактерий и вирусов. Он говорил так: «Вот вы чихнули. Это ваш умный организм отреагировал на нежелательные ему вирусы и бактерии, чтобы избавиться от них? Или это умные бактерии спровоцировали ваш организм таким образом, чтобы распространиться не только на вас, но и на других людей? Ведь их путь – воздушно-капельный. А лучшего способа распространиться, чем чихание, просто не придумать...»

Кира улыбнулась:

– Я не сильна в этом. Но в его словах что-то есть.

Виктор Иванович махнул на нее рукой, мол, скажешь тоже, и ускорил шаг.

А Кира, не отставая от него, вернулась к теме находки:

– А откуда это вообще взялось в нашей Зоне? Раньше вроде такого не замечалось...

– Это тоже загадка, но, значит, все-таки откуда-то взялось. Говорят, что нашли просто на дороге, совсем недалеко от официально проложенной трассы, метра в трехстах.

– Странно, значит, действительно откуда-то взялось. Из воздуха, что ли, материализовалось?

– Не шутите такими вещами, Кира Венедиктовна. Вы же ученый, а не фантаст, – Виктор Иванович еще раз вздохнул и открыл одну из дверей, пропуская вперед свою заместительницу. – В общем, вопросов много, а времени на поиск ответов мало. Помимо чисто научного интереса, от нас требуется предложить способ трансляции этого объекта для всех желающих. Предлагаю вам заняться этим уже сегодня. Мы почти пришли к вашему новому кабинету. Занимайтесь переездом, перевозите все, что вам необходимо, подключите охрану в качестве помощников, и за работу. Все имеющиеся у нас материалы: история находки, ее описание в примитивных понятиях, поскольку еще не производилось серьезных исследований, некоторые зафиксированные параметры, а также распоряжения сверху о сроках и требованиях – в общем, все, что имеется, уже лежит на вашем рабочем столе и ожидает анализа. И еще. Кира, придется работать не столько руками, сколько головой...

К этому моменту они дошли до места назначения.

– А вот и ваш кабинет. Мой – этажом выше, прямо у вас над головой. По всем официальным вопросам – только туда, – заведующий протянул Кире ключи. Она взяла их и, бросив в сумку, выжидательно посмотрела на него.

– Я что-то забыл?

– Покажите мне уже наконец ваше чудо, – улыбнулась девушка. – Где эти милые счастливые люди, которых инопланетный объект коснулся в первую очередь?

Виктор Иванович пожал плечами и жестом пригласил Киру идти дальше.

Сталкеры находились в медицинском блоке, расположенном в правом крыле второго корпуса. Еще немного прогулявшись по коридорам и аллеям, ученые вошли в экспериментально-научную здравницу и нашли нужные им палаты.

Заведующий так же жестом предложил Кире проследовать вперед.

Немного разволновавшись от предвкушения чего-то неизведанного, к встрече с которым еще не была готова, она постучала в дверь.

– Да! Да! – мгновенно последовал бодрый отклик.

Кира вошла, а за ней и Виктор Иванович. Он расположился сразу у двери, предоставляя своей коллеге самостоятельно изучить ситуацию так, как ей это было нужно. Девушка увидела человека средних лет, который сидел за пустым столом. Это был улыбающийся мужчина, гладковыбритый, опрятно одетый в легкие джинсы и белую футболку. Глаза его искрились радостью, отчего Кире тоже стало радостно, и она улыбнулась в ответ:

– Добрый день, – она заняла предложенный стул напротив сталкера.

– Здравствуйте, – еще шире улыбнулся мужчина. – Я так рад, что вы заглянули!

Он спешно подошел к заведующему и пожал его руку, с улыбкой заглядывая в глаза:

– Виктор Иванович... Очень рад вам...

И, быстро вернувшись к его спутнице, сосредоточил свое внимание на ней:

– Меня зовут Андрей. А вы?

– Я Кира, одна из тех, кто будет с вами работать. Вам, наверно, уже объяснили, что вы в некотором смысле уникальный человек, и поэтому многие ученые хотели бы с вами пообщаться.

– Да! Да! – проговорил он в ответ. – Мне все это уже рассказывали. Вы знаете, здесь столько интересных людей, которые хорошо ко мне относятся, занимаются со мной. Они все такие разные, но такие добрые! Я так прекрасно себя чувствую, что это сложно выразить словами!

– Я очень рада, что вам комфортно.

– Спасибо! Вы так хорошо выглядите. У вас потрясающие, совершенно необычные глаза.

– Спасибо...

Кира улыбалась в ответ и одновременно, не отрываясь, рассматривала новый «экспонат», пытаясь найти что-то такое, что не вписывается в понятия о счастливом человеке. Но видела только приятное лицо, простой добродушный взгляд, славного, щедрого на комплименты собеседника.

– Я зашла лишь познакомиться. Если у вас будут какие-то вопросы или просьбы, смело обращайтесь. Я предупрежу коллег, чтобы приглашали меня в любое время. Вы хотели бы что-нибудь мне рассказать, или, может быть, в чем-то нужна помощь?

– Что вы! Что вы! – замахал на нее руками Андрей. – У меня все прекрасно. Лучше и быть не может! Меня великолепно кормят, со мной хорошо обращаются, мне предлагают разные интересные занятия, прогулки, эксперименты. Это просто потрясающе! Посмотрите, какая светлая и чистая у меня комната! – он сделал широкий жест, от которого Кира невольно обвела пространство взглядом, убеждаясь в его полнейшей стандартности и даже заурядности. А Андрей между тем продолжал:

– Я очень хорошо понимаю, как вы все заняты, у вас очень важная и ответственная работа. Наоборот, это я буду счастлив вам помочь всем, чем только возможно!

Кира встала, продолжая улыбаться.

– Ну что ж. Прекрасно. До встречи снова.

Андрей взял ее руку в свою, крепко пожал, глядя в глаза, и проводил до двери.

Выходя из палаты, Кира отметила, что даже немного завидует тому состоянию, в котором пребывает очастливленный объектом сталкер.

Следуя на выход вместе с наставником, Кира произнесла:

– Такой приятный человек. Неужели это действительно сталкер? Больше похож на придворного вельможу...

– Проблема же в том, что он не просто научился так говорить. Он действительно все это чувствует в режиме нон-стоп и в самом деле очень доволен тем, что происходит с ним и днем, и ночью.

Они вышли вместе из здания.

– Ну что ж, Кира Венедиктовна, экскурсия окончена. Приступайте к работе. И не забудьте, завтра конференция. Ждем вас.

Они попрощались, и Кира направилась к своему кабинету.

Внутри она огляделась, отмечая, что он больше похож на новую квартиру. Кроме огромного рабочего стола с компьютером и телефоном, здесь располагался уютный мягкий уголок и кофейный столик, пустая книжная полка.

«Смогу принести сюда не только свои взгляды, но и взгляды тех, кто сформировал и отточил мои», – подумала про себя Кира.

Боковая дверь вела в следующую комнату. Здесь стоял еще один рабочий стол (но уже без компьютера), офисные кресла и большой, во всю стену от пола до потолка, стеллаж, на котором лежала толстенная папка с надписью «Дело №\_» и «Совершенно секретно», очевидно, ознаменовывающая собой начало сбора материала и приглашающая заполнить такими же толстыми важными папками весь стеллаж полностью. Больше в комнате ничего не было.

Кира взяла папку с двумя буквами на титульном листе «СХ» и присела за стол. В ней, как и было обещано заведующим крупнейшей теперь лаборатории в их институте, лежали все ключевые материалы. Все, что смогли собрать за последние восемь дней с того самого момента, когда был обнаружен новый объект, точнее, с момента его появления в институте. Ведь сколько времени прошло между этими двумя событиями, никто наверняка не знал.

Инопланетное счастье, которым наслаждались пока только двое сталкеров, было названо «Объект Эс Икс», что якобы отражало суть находки: он нес «счастье» (заглавная русская «С»), но непонятого происхождения и механизма действия (неизвестная «Х»).

– Молодцы! – похвалила авторов названия Кира. – Хорошо придумали. «Неизвестная Икс». Порой математики даже не терзают себя вопросом, что скрывается за этим «Икс», а стараются путем преобразований упростить задачу. Нас же лбом уперли именно в «Неизвестное». Ну хорошо. Посмотрим, что мы имеем.

После детального изучения исходных данных Кира встала и подошла к окну. Итак, трое сталкеров, несанкционированно (умудрились же!!!) проникших в Зону Посещения, нашли прямо на дороге светящийся шар, который на их глазах разделился на трое. От действия объекта «пострадали» только двое, так как третий был в специальном защитном костюме. Далее какими-то сложными путями находка попадает в институт, где ее и начинают описывать. При этом надо заметить, что более никто из сотрудников не «осчастливился» (техника безопасности все-таки превыше всего!).

Далее в документах следовала первичная характеристика свойств находки и попытка их классифицировать. И вопрос номер один состоял в том, представляет ли объект «Эс Икс» собой нечто новое или может быть отнесен к уже известным явлениям или предметам? Поскольку объект делится, более того, делится в соответствии с количеством субъектов, то автор доклада предполагал, что этот объект живой. Однако если он не питается, по крайней мере в обыденном понимании, и не оставляет продуктов своей жизнедеятельности – тоже по обыденным меркам, то вопрос с классификацией вставал все более остро.

Что будет, если один человек «использует» «Эс Икс»? Неужели от шара уже ничего не останется? Или он каким-то образом возрождается или делится до «использования»? Если возрождается, то как? Где? При каких условиях? Если нет, то что же это за псевдоумный объект, который мог бы осчастливить миллионы, а останавливается только на одном человеке? Если

же он делится перед использованием, то, значит, «знает», что после контакта с человеком от него в реальном мире ничего не останется и он уже не сможет осчастливить прочих желающих?

Влияет ли этот объект на животных? Ведь физиологически феномены счастья наблюдаются и у них?

Почему третий сталкер, тот, который не пожелал проверить на себе свойства этого объекта, продал его институту, тогда как мог стать счастливым раз и навсегда? Предпочел деньги счастью? Да где это видано? Все ж знают, что не в деньгах счастье...

Может ли действие шара продолжаться после того, как он «проконтактировал» с человеком? Другими словами, может ли «счастливый» человек «заразить» своим счастьем еще кого-то? Действительно ли оказываемое объектом воздействие вызывает длительный устойчивый эффект? И что это значит для нервной системы, которая постоянно будет находиться в состоянии радостного возбуждения, то есть – стресса?

Не говоря уже о нейрехимии! Соответствует ли она сегодняшним представлениям о счастье? Ведь прав Виктор Иванович. Что там происходит в голове у этих «счастливых» друзей-сталкеров? Какие процессы побуждают их чувствовать себя таковыми? Какие механизмы в этом задействованы?

Кира быстро фиксировала возникающие идеи в блокноте, схематично объединяла их в блоки, рисовала знаки вопроса, стрелочки между ними...

Стук в дверь прервал поток мыслей. Она выпала из размышлений, заметив, что из окна, в которое она смотрела, но видела только стаю научных проблем, открывался вид на старый корпус НИИУ и больше ни на что.

Она встала и пошла открыть дверь.

– С повышением, – с улыбкой во весь рост приветствовал ее старый друг и коллега Валера Корсаков, именуемый среди своих просто Корсаком (по аналогии с героем давно забытого фильма о екатерининской эпохе). Он только что закончил медицинский, а в институте появился после блестяще защищенной магистерской диссертации на тему, звучавшую приблизительно так: «О некоторых особенностях патофизиологии у лиц, побывавших в „местах Посещения“, на примере Виноградной Зоны». Нашел его, как и Киру, сам академик Коренев.

– А! Проходи, проходи! – она отступила от двери, пропуская внутрь молодого человека. – А ты кого теперь замещаешь, чем заведешь?

– Я – никого и ничем, – он улыбнулся получившемуся каламбуру. – Это только тебе посчастливилось враз стать командиром над полусотней научных мужей... Как тебе повышение уровня наших исследований до статуса VIP?

Он был всегда весел и задорен, несмотря на специфику полученной профессии. Наверное, сказывался возраст. Валера был самым молодым сотрудником не только психофизиологической лаборатории, но и вообще во всем институте.

Кира неопределенно пожала плечами:

– Пока непривычно.

Он заглянул в соседнюю комнату и, завершив осмотр нового кабинета, удовлетворенно заключил:

– Фантастика.

– Фантастика – это то, что у вас здесь творится. Не знаю, готова ли я к руководству таким сложным проектом. Это огромная ответственность. И она уже давит на меня...

Валера тем временем вальяжно развалился в кресле, пробуя его мягкость и удобство.

– Поможешь с переездом? – села напротив Кира. – А потом – по чашке чая в нашем кафе вприкуску с интересным разговором о работе. А?

Он беззаботно улыбнулся:

– Согласен. Тем более что теперь наша работа пахнет счастьем.

\*\*\*

Утром следующего дня, когда Кира вошла в большой конференц-зал, он уже был полон народом.

На трибуну поднимался с иголки одетый, элегантный человек. Это был Радислав Петрович Захвалевский, сравнительно молодой директор их Научно-исследовательского института уфологии (НИИУ). Руководителю было всего 43 года, два из которых он весьма успешно возглавлял институт. Он не имел научных степеней ни в одной сфере деятельности института, а, как сейчас стало модно, имел степень по управлению бизнесом и персоналом. Однако это был тот самый случай, когда все сотрудники дружно кивали, что именно талантливый управленец, а не научный деятель необходим, чтобы решать проблемы института и вести его вперед. Талант взошел на трибуну, чтобы приветствовать всех собравшихся.

– Уважаемые дамы и господа!

Голоса в зале понемногу начали стихать. Те, кто знали Захвалевского, уважали его и считали умным и прозорливым руководителем. Они стихли еще до того, как он сказал приветственную фразу. Прочие, то есть вновь прибывшие сотрудники, едва успевшие познакомиться с распорядком жизни в НИИУ и с самим директором, тоже смолкали. Речь Радислава Петровича, уверенная, но мягкая, способна была вызвать почтение практически у любого человека. Его голос был одновременно властным и располагающим к доверию. «Металлический» тон был также ему присущ, но появлялся очень редко и в самых значительных, так сказать, эпизодических ситуациях.

– Уважаемые коллеги! Я рад приветствовать вас в стенах нашего конференц-зала, ведь если мы здесь, это значит, что мы становимся не просто свидетелями каких-то очень серьезных событий, но и их активными участниками и творцами! Сегодняшняя встреча посвящена сразу нескольким событиям, которые сложно упорядочить по важности, поэтому я просто начну с начала, если можно так сказать, в хронологическом порядке, – он немного помолчал, давая время осмыслить публике его вводные слова, слегка откашлялся и продолжал:

– Во-первых, мне бы хотелось поздравить весь институт с тем, что в наших стенах вот уже три года трудится и совершает открытия мировой значимости ученый, обладатель первой премии конгресса по проблемам человечества Кира Венедиктовна Воинова.

Директор молниеносно отыскал глазами в зале среди множества других людей Киру и пригласил жестом на сцену.

– Прошу вас, Кира, институт желает вас поздравить!

Радислав Петрович зааплодировал, и тут же его поддержали сотни рук других участников конференции. Девушка поднималась на сцену, а директор продолжал вещать с трибуны:

– С сегодняшнего дня Кира Венедиктовна будет помогать заведующему самой уважаемой лабораторией института, что является не только нашей наградой молодому ученому, но и отражает ту степень доверия, которое мы оказываем нашей именитой сотруднице. Вместе с тем это очень большая ответственность, которую предстоит проявить ей для достижения более интересных и высоких целей.

Кира шла к сцене и удивлялась словам директора – всем, от первого до последнего:

«С каких пор наша лаборатория стала самой уважаемой? И почему нынешние цели должны быть „более интересными и высокими“? Я и раньше никогда не думала, что занимаюсь ерундой. В науке нет неинтересного и мелкого».

Она поднялась на сцену, где ей вручили цветы, традиционный конверт и благодарственное письмо от НИИУ с шикарным размашистым автографом сегодняшнего оратора.

– Поздравляем вас, Кира Венедиктовна! Эта премия – логичный венец вашей научной деятельности! Заодно прошу всех новоприбывших сотрудников познакомиться с их непосредственным руководителем и учесть, что, несмотря на свой нежный возраст, Кира Венедиктовна

является очень умным и уважаемым человеком в институте, а это требует соответствующего к ней отношения.

Кира уже не удивлялась, а просто улыбалась: «Он видит меня вблизи второй раз в жизни, а говорит так трепетно, как будто взрастил и вскормил меня лично».

Пожав руку директору и откланявшись, Кира спустилась в зал к прочим присутствующим.

Когда последние аплодисменты стихли, Радислав Петрович продолжил более торжественным тоном, со всей внушительностью в голосе, на которую только был способен:

– А теперь хотелось бы обратиться ко второй причине сегодняшней встречи, но по важности, наверное, более значительной. Однако не будем сравнивать несравнимое. Речь идет о новой находке нашего института, которая перевернет жизнь всего человечества и изменит ее до неузнаваемости. Каждый из вас понимает, что я говорю о новом объекте «Эс Икс», который поможет разрешить все социальные и психологические проблемы не только в нашей стране, но и в любом другом, нуждающемся в этом сообществе. Мы сможем подарить человеку истинное *счастье*, – подчеркнув интонацией последнее слово, директор выдержал многозначительную паузу, обводя взволнованным взглядом всю ученую аудиторию. – То самое счастье, которое всегда ускользает прямо из-под носа, к которому мы стремимся и так жаждем получить, подчиняя достижению этой цели все свои поступки. Счастье, так или иначе, занимает все наши мысли. И если есть на свете хоть что-то более величественное и божественное, чем счастье, то это, наверно, любовь.

Радислав Петрович снова помолчал, как будто вспоминая про себя те самые величественные и божественные моменты любви, которые были в его жизни, и, нехотя оторвавшись от них, продолжил:

– Однако шар любви нами еще не найден, а вот артефакт счастья мы держим взаперти в своей лаборатории. Никому не нужно объяснять, что человек, и только он один является творцом своего счастья, а достигнув его, становится более продуктивным, так как неприятности и преграды превращаются в мелкие и незначительные, а цели, наоборот, в глобальные и реальные. Счастливый народ, не думающий о своих проблемах и горестях, способен достичь даже невозможного! Я призываю всех сотрудников приложить максимум усилий для скорейшего высвобождения счастья из наших стен и распространения его среди всех нуждающихся в нем людей. А таких, поверьте, много. Вы сами видите их каждый день – бедных, одиноких, покинутых и раздавленных жизнью горемык. Судьба поступила с ними несправедливо, отобрав у них надежду на лучшее и веру в счастье. Но в наших силах изменить их печальные незавидные судьбы. В кои-то веки мы, ученые, можем помочь людям!

Голос его все усиливался и к этому моменту гремел, заполняя все пространство огромного зала, достигая не только ушей, но умов и сердец всех слушателей. Звук окутывал, проникал в глубину души и, очаровав однажды, вел за собой, бодрил, будил, радовал, ласкал слух и дарил особое наслаждение. Казалось, слушать его можно бесконечно:

– Ведь на наших с вами глазах наука впервые за многие тысячелетия действительно достигнет своей основной цели – дать людям счастье и удовлетворение от жизни! Я призываю вас, друзья мои, подойти к этой непростой задаче со всей ответственностью и каждую минуту помнить, что в ваших руках находится не только счастье и будущее всего человечества, но также и неизвестный объект, суть которого нам еще неясна. Мы не можем рисковать жизнями и здоровьем миллиардов людей, а посему будьте бдительны и выверяйте каждое свое действие, каждое свое заключение с хирургической точностью. Малейший просчет может обернуться ужасной трагедией, в то время как слаженная и высокопрофессиональная работа принесет плоды, о которых мы не смели ранее даже мечтать. Я верю в вас! Итак! Счастье ждет нас! Оно пришло в мир, чтобы стать достоянием человечества! Да наступит эра счастья для всех и каждого!

Когда было произнесена последняя пафосная фраза и стало понятно, что речь закончена, зал некоторое время находился под впечатлением сказанных слов и нарисованных образов и уже через минуту взорвался аплодисментами. Виктор Иванович и Кира, переглянувшись, тоже хлопали.

\*\*\*

Дорога вела все лесом, и вдаль уже виднелось село Виноградное.

Виноградная Зона (получившая свое красивое имя от названия этого села), одно из мест Посещения, находилась всего в пятидесяти километрах от пункта назначения, к которому держали путь пассажиры автобуса. Все они были сотрудниками института и ехали в Виноградное кто за чем: отдохнуть от коллег и научных забот, навестить знакомых (появлявшихся после этого отдыха) или просто сменить обстановку. Деятели умственного труда жили по месту работы: вперемежку с исследовательскими корпусами стояли многоквартирные дома, кафе, магазины – словом, там было все, что могло понадобиться для нормальной жизни сотрудников Виноградного НИИУ. Вместе с тем такое удобство оборачивалось скукой. Ведь не более пятисот-шестисот работников института уже знали друг друга в лицо, многие и по именам. По крайней мере назвать лабораторию или подразделение любого встречного мог каждый. Вот и стремились многие разнообразить свою научную компанию сельскими жителями, которых, в общем, было тоже немного – около полутора тысяч человек. Но в Виноградном проще было встретить незнакомое лицо, ведь там существовали еще и приезжие.

Труженики науки, они же – пассажиры, стремились к новому общению, не зараженному мудреной терминологией, да и вообще не жаждали обсуждать на отдыхе свои рабочие изыскания. Поэтому управление НИИУ дозволило выезды сотрудников в соседнее село, контролируя тем не менее особо языкастых: за этим следила служба безопасности института с одной стороны и спецотдел госбезопасности с полицией – с другой. Эти невидимки присутствовали всюду и пресекали любую утечку информации, какой бы невинной и простой она ни казалась на первый взгляд.

С момента Посещения село очень изменилось, и вместо когда-то обычных покосившихся деревенских построек выросли уютные гостиницы, кафе, супермаркеты, службы быта и прочие бессмысленные и необходимые конторы. Улицы замостились плиткой и асфальтом и наполнились туристами, которые радостно покупали различные «безделицы из Зоны», не имевшие, впрочем, к оной абсолютно никакого отношения. И, затаив дыхание, слушали различные байки, касающиеся действительности тоже весьма условно. Однако туристов и это устраивало, тем более что попасть в саму Зону на сегодняшний день не представлялось возможным. Интересующимся показывали институт, лаборатории, библиотеку, но ни один турист, спроси вы его, даже приблизительно не смог бы показать направление к тому месту, где инопланетная цивилизация оставила свой странный след.

Зона Посещения находилась за двойной стеной, обнесенной колючей проволокой под высоким напряжением. Ее стерегли практически так же, как самых опасных в мире преступников. И такое явление, как сталкерство (сталкерами называли людей, которые незаконно проникали в Зону и выносили оттуда различные «объекты» для продажи), столь сильно развитое в окрестностях других Зон, здесь было такой же редкостью, как и само Посещение.

Кира сидела у окна автобуса и думала, что все-таки правильно сделала, когда ушла с банкета, едва прозвучали первые тосты высочайших персон – руководителей и приглашенных гостей. «Зачем? – оправдывала она сама себя. – Все как-то странно радужно настроены на исследования. Видимо, сказались слова Радислава Петровича, отозвались в сердце каждого. Возможно, это правильно – начинать исследование на подъеме, но все-таки настоящий ученый должен быть всегда трезв и беспристрастен, иначе какой же он ученый?! А что касается зна-

комства с новыми подчиненными, – Кира усмехнулась, – успеется... Важнее то, как человек работает и какую пользу приносит, а не то, как он болтает ни о чем и пытается произвести впечатление».

Автобус остановился на центральной площади Виноградного, и практически все пассажиры поспешили на выход. Однако Кира и еще несколько человек остались в салоне.

Через какое-то время она попросила водителя притормозить на неприметной развилке загородной дороги. Он уточнил, действительно ли это то самое место, которое нужно, и неуверенно открыл двери.

Девушка поблагодарила и вышла.

Когда автобус скрылся из виду, а за ним улеглась дорожная пыль, Кира глубоко вдохнула воздух, полный щебетания птиц и бездонного неба, и сделала первые шаги к второстепенной дороге.

Она с удовольствием шла пешком, созерцая и впитывая милые картины живого мира: качание листы деревьев, волнение трав, веселое перепархивание птиц и сонное стрекотание насекомых. Вдали желтым морем разлилось пшеничное поле. Ветер катался на его волнах, слегка пригибая и поднимая колосья. Сердце Киры трепетало от предвкушения приключения и настоящего путешествия, хотя это была всего лишь прогулка.

«Какое это счастье! Идти вот так, дышать, смотреть и больше ничего не желать! Кажется, не будь я должна всему миру, так бы шла и шла всю жизнь не останавливаясь!»

Чем дальше Кира шагала, тем чаще выключался ее натруженный мозг, переполненный вопросами и гипотезами, тем живее выглядело все вокруг, в том числе она сама.

Через какое-то время вдалеке показался небольшой ухоженный поселок. Домики разной величины стояли на почтительном расстоянии друг от друга, прячась в зелени деревьев, цветах и высоких заборах. Было понятно, что хозяева этих жилищ очень уважали домашние миры соседей и требовали такого же отношения и к собственной приватности.

Кира издалека заметила знакомый шлагбаум и свернула с дороги на тропку, огибающую поселок справа.

В ногах путались стебельки травы и луговых цветов. В нескольких местах пришлось наклониться, чтобы пройти под раскидистыми кустами сирени. И вот она оказалась рядом с деревянным забором. Калитка пряталась еще за одним кустом сирени, а прямо за ним открывался огромный виноградник с тяжелыми кистями ягод на подпорах.

Осторожно ступая по дорожке, она дошла до входной двери дома. Уже подняв руку, она немного замешкалась, но потом все же решительно постучала.

Дверь лениво распахнулась. За ней стоял слегка помятый, но здоровый и сильный мужчина лет тридцати-сорока. Точный его возраст определить было сложно. Что-то говорило о его опытности и усталости, но что-то – о молодой жизненной энергии. Казалось, этот человек неподвластен времени, обитает вне его или над ним...

Джинсы и клетчатая рубашка на нем были по-домашнему небрежными. Им соответствовало и выражение лица – такое же расслабленное и «домашнее».

Кира улыбнулась:

– Доброго дня!

– А... Прима Конгресса, – узнал он старую знакомую и направился вглубь комнаты.

– А ты все тот же волк-одиночка, – в ответ произнесла она, оглядывая комнату, в которой царил архаичный мужской беспорядок – такой же здоровый и безмятежный, как и его владелец.

– Волк, – добродушно согласился Волк, погружаясь в любимое (единственное) кресло. –

Как поживаешь, Кира? Какие новости в свете?

– Да поживаю хорошо, работы много, а об основных событиях я как раз у тебя хотела узнать.

Не ожидая приглашения, она присела на диван напротив и открыто взглянула мужчине в глаза.

– О каких? – равнодушно отозвался тот. Теперь лицо его выражало унылое безразличие. – Ты знаешь, я давно не бываю в свете. Он мне неинтересен.

Кира испытующе смотрела в красивые зеленые глаза: «Неужели и впрямь ничего не знаешь? Так я тебе и поверила. Как же. А кто же, если не ты?»

– А случилась вот такая история. Сейчас расскажу.

Зеленые глаза напротив заулыбались, и Кире показалось, что это все-таки не Волк, а обычный домашний кот – нашаливший и скрывающий место преступления. Теперь, развалившийся в кресле, он действительно был похож на откормленного домоседа, мало интересующегося чем бы то ни было в мире, кроме меню обеда.

– Эта новость разлетелась уже по всей планете. Институт Виноградной Зоны нашел субстрат счастья и нарек его объектом «Эс Икс». В настоящее время лаборатория психофизиологии всеми своими пятьюдесятью умами пытается постигнуть этот невероятный феномен и подарить счастье людям. Сейчас новую находку охраняют как ничто другое на планете.

– О! – так же поддельно-нехотя «удивился» он, все больше напоминая домашнего кота. – Это действительно новость.

«Еще бы замурлыкал», – подумала про себя Кира и скрестила руки на груди, расстроившись, что он не проявляет никакого внимания к сути ее слов, ведь говорила же она совсем не обыденные вещи, а в чем-то даже сенсационные.

А Волк, не замечая ее эмоций, почти зевая, продолжил:

– А почему название такое странное? «Эс Икс»?

– Ну, это как бы заглавная «Эс» от слова «счастье», но неизвестного нам пока счастья, поэтому «Икс».

Собеседник фыркнул и пренебрежительно произнес:

– А что ж два разных языка в одной аббревиатуре? Назвали бы все на английском? Как там счастье?

– Happiness... – тихо произнесла Кира.

– Вот-вот, – улыбнулся Волк, поглядывая на девушку. – И переменную другую надо взять! Ведь счастье – это не просто, как ты говоришь, «неизвестное», а из другого мира! – глаза Волка хитро заблестели, а голос усилился. – «Игрек», например. Нет, «игрек» мало! Лучше – «зет»!

Кира внимательно смотрела на своего собеседника, пытаясь понять, к чему он клонит.

– И получится «Хэ Зэ», – триумфально закончил свою мысль Волк, нарисовав в воздухе сочиненную аббревиатуру из английских букв «H» и «Z».

– Ага, – кивнула Кира, наконец, поняв издевку Волка. – Что по-русски и особой расшифровки не требует.

Он бодро подпрыгнул из своего кресла со смехом:

– Ты и не представляешь, насколько ты сейчас права! Именно так! И именно по-русски! – но, видя, что Кира не разделяет его веселости по отношению к предмету разговора, тут же потух, снова растворился в своем кресле и бесцветным голосом продолжил:

– За счастьем уже, наверно, очередь стоит... Как бы ваши, институтские, не растащили его по кусочку... А? Другие-то к вам не проберутся, а вот от себя его уберезете? Сможете? – глаза его были равнодушно-серьезными, но когда он подмигнул своей собеседнице, она окончательно уверилась в причастности сидящего напротив человека к добыче нового «ископаемого».

– Загадка в том, – деловым тоном продолжила она повествование, делая вид, что не заметила этого странного намека, – что нашли его не наши сотрудники, а настоящие сталкеры.

Кира помедлила, в упор глядя в глаза мужчины, пытаясь увидеть в них его настоящую, сталкерскую суть.

– Послушай... – она не знала, как бы дипломатично вытянуть из него правду, и потому задала вопрос в лоб:

– Ведь это ты вытащил его из Зоны. Ты? Кроме тебя, больше никому!

Он расхохотался. Искренне. Как будто не смеялся целую вечность, а теперь нашел прекрасный повод и радовался ему, как ребенок. Волк смеялся. Ситуация была забавная (вы видели, чтобы волки смеялись?!), но Кира почему-то чувствовала себя по-идиотски. Это точно он! Он!

– Так вот в чем дело, Кира! – он продолжал фыркать и хохотать между фразами. – Вот в чем дело! Тебе нужен сталкер! – смех понемногу прекращался. – Ты знаешь, – сказал он уже совсем серьезно, беря руку девушки в свои теплые большие ладони. – Здесь давно не живет сталкер. Ты это прекрасно знаешь.

Кира торопливо высвободилась, отметив про себя, насколько эти руки дышали одновременно нежностью и силой. Настоящие. Мужские.

Она встала и прошла к окну:

– Я понимаю, – проговорила она тоном примирения, вертя на пальце кольцо. – Ты не можешь сказать. Или не хочешь. Я тоже не могу распространяться о многом из того, что происходит у нас в институте. Это закон. Я тебя понимаю.

– Ну вот видишь, все становится на свои места. Ошиблась. Ничего. Со всеми бывает, – он тоже встал и подошел к Кире. Некоторое время они вместе смотрели на сочные кустарники за окном. Гроздь зеленого винограда свешивались с опор и манили своей пьянящей прохладой. Она тайком взглянула в его задумчивые глаза и поняла, что все-таки это настоящий волк. Теперь мирный и почти домашний, но тем не менее волк. Недаром все знали его именно под этим именем. Он не мог не заметить быстрого движения глаз девушки по его лицу и тут же отвлекся от своих мыслей.

– Чай? Кофе? – как ни в чем не бывало уронил мужчина.

Девушка встрепенулась, смутившись, что была поймана на мыслях о нем, и ответила:

– Н-нет, – она отыскала сумочку на диване. – Я тороплюсь. У меня встреча.

– Как хочешь, – ей показалось, что он вздохнул. – Может быть, тебя подвезти? До центра путь неблизкий. Особенно если торопишься.

Кира отрицательно покачала головой и направилась к двери.

Там она остановилась, подождав, чтобы он подошел ее проводить.

– Приходи иногда, если сердце просит, – дружески произнес Волк. И улыбнулся. Мягко, по-человечески.

– Хорошо. Обязательно приду, – перед ней снова стоял немного помятый, но сильный человек. Станный. Поминутно превращающийся. Может, это Зона его таким сделала. А может, человек он такой.

И уже выйдя за дверь, она обернулась:

– Почему ты не забрал себе этот объект? Почему не стал счастливым?

Он промолчал. В его нечеловечески глубоких глазах светились тоска и мудрость.

\*\*\*

Кира долго шагала, не понимая, куда она так торопилась и куда теперь идет. Конечно, никакой встречи назначено не было. Никто ее здесь не ждал. Единственной целью приезда в Виноградное был сам Волк. Она замедлила шаг, пытаясь разобраться в своих чувствах и мыслях, а заодно понять, почему же все-таки ее старый знакомый не захотел стать счастливым, а продал находку институту. Нет сомнений, что это был он, хотя, может быть, она действительно ошиблась, и это было чьим-то чужим достижением... Но нет! Это сделал он! Никто больше в этом селе не смог бы отважиться на столь дерзкий поступок: вынести из запретной Виноградской Зоны новый неизвестный объект.

К этому моменту Кира уже подошла туда, где ее оставил автобус.

Она взглянула на часы. Следующий будет минут через семь. Она пошла по дороге в сторону Виноградного, рассчитывая, что автобус подберет ее в любом месте.

Так и случилось, и через несколько минут Кира уже сидела в автобусе, а спустя еще несколько – выходила в центре Виноградного.

И только тут ее настигла мысль о том, что Волк знал об объекте заранее, до того, как обнаружил его. Он бы не пошел в Зону просто так, неизвестно зачем или просто наудачу. Это не его методы. Выходит, он действительно точно знал, что «Эс Икс» существует, как и знал (хотя бы в общих чертах), где его искать.

Кира остановилась посреди улицы, осмысляя свою догадку.

Она понимала, что Волк никогда не скажет ей правды. Для него это верная смерть. Его не будут охранять, как тех двоих «счастливых», потому что он не представляет интереса для науки. Да и безопасность его бывших попутчиков – счастливичков тоже гарантирована только до конца эксперимента. Кира пошла дальше и снова остановилась. Что-то подсказывало ей, что на ходу она размышлять уже не может. Ей хотелось сесть и собраться с мыслями. Она оглядела улицу.

Кафе под открытым небом. В самый раз.

Перед ней ароматно запах крепкий чай – можно было снова погрузиться в свои мысли:

«Итак, Волк знал, что в Зоне объявился новый артефакт, который заинтересует исследователей. И знал, что он приносит „счастье“, поэтому и позволил тем двоим стать счастливыми. Если бы свойства находки были неизвестны, он никогда бы не дал „осчастливиться“ своим спутникам, с которыми шел плечом к плечу на смертельно опасное мероприятие.

А вот интересно, а что они скажут о своей последней вылазке? Раскроют ли тайну своих походов и не станут покрывать друга-сталкера? Им, счастливым, должно быть все равно. Теоретически уже ничто не может омрачить их счастья – ни предательство, ни казнь друга, ни потеря собственной жизни. Вот вам и новое лицо „счастья“, которому нипочем самые страшные людские грехи.

А он отказался. Отказался быть счастливым. Или „осчастливленным“? Какие принципиально разные смыслы в этих двух похожих на первый взгляд словах: быть счастливым и быть осчастливленным.

Вряд ли Волк побоялся неизвестного. Нет. Он осторожен и расчетлив. Он что-то знает. Возможно, ту самую разницу между этими двумя словами. Может быть, поэтому он и посмеялся над нашими исследованиями. Возможно, он хотел предупредить нас о чем-то? О чем?

Или его поведение – это только следствие его скептической натуры? Он традиционен и консервативен до самых своих глубин. Ему, как и дикому зверю, не надо никаких особенных условий – ни в еде, ни в одежде, ни в жилье. Но счастье! Разве оно не должно быть в списке самого необходимого по жизни?

Загадка.

Ну а что, собственно, я сама? Я бы согласилась стать счастливой, применив к себе „Эс Икс“? И что это будет означать для меня? Для окружающих меня людей? Для моей научной деятельности?

Дайте подумать.

Как я чувствую себя, когда я счастлива? Когда это происходит? Кажется, счастье я чувствую в нескольких случаях. Я люблю наслаждаться природой. Бывает, вдыхаешь аромат свежей зелени, слышишь пение птиц, течение реки – и кружится от счастья голова, потому что величие и простота природы не может не вызывать восхищения у всякого живого существа... Еще красота и неповторимость научного открытия или подтверждение гипотезы, которые вызывают частое биение сердца, радость и даже счастье: этаким оргазм ума. Это поймет лишь тот, кто сам его испытал хотя бы раз... А еще – после действительно трудных поисков и напря-

женной работы, когда приходишь домой, падаешь спать, уставший, обессиленный, и только в этот момент понимаешь, насколько счастлив, засыпая сном младенца. Еще счастье от встречи и общения с друзьями, которых не видел долгое время, их достижения, их успехи. Еще любимый, бесценный человек...

И все это может дать мне простой светящийся шарик?

Даже смешно. Наша жизнь столь разнообразна и непредсказуема, а этот „Эс Икс“ предлагает заменить ее беспричинными физиологическими реакциями, игрой гормонов?»

На лице Киры появилась грустная улыбка:

«Вот вам и „счастье“. Нет, не нужно мне такого... Я же не лабораторная свинка! Не растение, не насекомое! Я мыслящий, творящий, чувствующий человек! Все проявления счастья настолько неповторимы и поразительны, что кажется невообразимым заменить их одной-единственной эмоцией или чувством, которое предлагает загадочная инопланетная цивилизация. И потом. Как можно стать раз и навсегда счастливым, когда счастье познается в сравнении?! Только зная, что есть грусть, мы познаем радость. Боль потери, отчаяние, любовные муки чередуются с эйфорией, чувством полета. Слезы расставания сменяются встречами со слезами на глазах, которые и являются наградой за долгое ожидание. Так и только так протекает наша жизнь! Именно в этой смене, в этом переходе из одного состояния в другое нет-нет да и обнаруживается счастье! А вы предлагаете застопориться на одном из этих переходов и больше никогда не узнать никаких новых переживаний, новых чувств, событий, лиц?!»

Кира сделала последний глоток горячего, бодрящего чая и пошла прочь от кафе к автобусной остановке. Почему-то именно сейчас ей захотелось схватить за рукав заведующего лабораторией вместе с директором и прокричать им: «Да как же вы смеете отбирать у людей истинное счастье! Экспериментировать концентрациями медиаторов, забывая, что нейрохимия – это такой же след от счастья, как след человека на снегу. Но разве можете вы по нему определить, куда шел человек, что об этом думал, догонял он кого-то или, наоборот, стремился убежать? Кто были его друзья, любимый человек, любимое дело? Не знаете?! Так и не лезьте со своими исследованиями туда, где люди могут и должны быть сами себе хозяевами!»

Она дошла до остановки и посмотрела на часы. До автобуса еще десять минут.

Вокруг никого не было (ведь в это время все ехали из института, но никак не обратно), только продавец газет и журналов:

– Покупайте свежие газеты, – бодро, но без особого энтузиазма проговорил человек за прилавком. – Полюбопытствуйте, что о счастье пишут.

«А что о нем писать? – подумала про себя Кира. – Мне и так все ясно!»

Но подошла поподробнее рассмотреть яркие листки газет.

– Вот, например, результаты опроса на улицах столицы о счастье – интересно. Или вот – интервью в исправительной колонии и из неблагополучных семей.

– Хорошо. Дайте мне их, посмотрю пока.

Кира рассчиталась с продавцом сплетен и погрузилась в столичные новости в ожидании автобуса. Когда он подошел, ей уже не хотелось никуда ехать. Ничего никому не хотелось кричать и доказывать, однако, опустив голову, она покорно поднялась на подножку. Автобус был пуст.

Ей стало очень печально оттого, что есть на свете люди (и много людей!), которые просто жаждут получить лабораторное счастье. Вот, например, малообеспеченные люди: им не на что надеяться, неоткуда ждать помощи. Или инвалиды, с рождения или волею случая обделенные физическими или умственными возможностями. Или пожизненно заключенные... какое уж тут счастье...

Голова шла кругом. В горле застыл ком.

Вокруг нее кружились больные, немощные, искалеченные, одинокие... Все они в голос рассказывали о своих бедах и проблемах, многие рыдали в отчаянии: непоправимые утраты,

горе, обида, злоба, неверие, безнадежность охватили их сердца. Люди подступали все ближе, обвиняя в бездействии и гнусных мыслях о якобы бесполезном «счастье» из Зоны:

– Это была ошибка следствия или подкуп, – неспешно размышлял рядом с ней мужчина лет тридцати, но весь седой. – Меня обвинили в убийстве, которого я не совершал, и осудили на пожизненное заключение. Мой бизнес, в который я вложил и деньги, и душу, и все свое время, достался конкуренту. Молодая жена осталась без средств к существованию, и я даже не обижусь на нее, если она скоро снова выйдет замуж – у нее просто нет иного выбора. Она должна жить, родить ребенка, которого у меня уже никогда не будет. А моя жизнь загублена. Моя репутация теперь ничего не стоит. Я растоптан. Я среди убийц и воров, среди падали, отбросов общества. Чем я это заслужил? Я уже давно мертв.

– Моя мать просто дура, – говорил подросток неопределенного пола, временами похожий то на девочку, то на мальчика. – Когда она избила меня первый раз, я был еще совсем маленький. Тогда я поджег ее шкаф и впервые сбежал. Теперь меня знают все сотрудники органов опеки и отдела несовершеннолетних в полиции... О чем вы? Какое может быть счастье, когда твоя собственная мать ненавидит тебя?

– Пашешь, пашешь всю жизнь как проклятый, – небритому мужчине в поношенном свитере было за пятьдесят, он курил папиросу и смотрел в сторону, – все пытаешься прокормить семью, жить не хуже всех. С цеха вылезешь едва живой, до дома доедешь, «соточку» накаатишь да свалишься сразу от усталости. Уже не слышишь ни зудение жены, ни попрошайничество дочек на очередные цапки. Счастье... – он брезгливо сморщился. – Где уж нам на этом свете... А на том и подавно... До крышки гроба недалеко... Закопают – и дело с концом... Уж если ни на что в этой жизни не заработали, ничего хорошего не видали, так, может, хоть с этим счастьем ученые не обделят? А?

– Неужели я так много хочу? – молоденькая, ярко одетая девушка сидела напротив, размазывая тушь по симпатичному личику, нервно покачивая ножкой на высокой шпильке. – Мы любили друг друга. Много лет были вместе. Правда, он редко приходил ко мне, говорил, что очень занят и устает на работе. Цветы дарил очень редко. Нежных слов и признаний в любви от него было не дожидаться – он считал, что это ни к чему, излишне, ведь и так все ясно: раз сказал однажды, что любит и хочет быть со мной, то так оно и есть. И я верила! Я всему верила! Лишь бы только быть с ним рядом, лишь бы сделать его счастливым! А потом... – голос ее сорвался на детский плач, – потом он женился на другой.

– Моя жена, моя Настя, с которой мы прожили душа в душу двадцать два года, погибла в случайной перестрелке на улице, – лицо пожилого рассказчика, хоть и было размыто, выглядело очень знакомым, но Кира не могла припомнить, где она могла встречаться с этим человеком. – Этих гадов тогда так и не нашли. Настя действительно была моей второй половинкой: кусочком сердца, кусочком души. И ее не стало. Мне казалось, что весь мир канул в пучину. Ни дети, ни работа – ничего не давало мне успокоения. Я любил ее. Но насколько сильной была моя любовь, я понял только после ее смерти. Я каждую ночь слышу ее задорный смех, вижу милое сердцу лицо. Зачем ты оставила меня, Настенька? Моя Настена. Я так скучаю по тебе!

И тут Кира вспомнила:

– Виктор Иванович, неужели это вы?

Видение исчезло.

Она с болью закрыла глаза, но другие образы все равно не отпускали ее. Они продолжали шептать, говорить и кричать. Они плакали, молили, корили, винули. Кто-то просто отворачивался, кто-то уходил, а кто-то падал без сил.

Одно из видений стало вдруг абсолютно реальным и прикоснулось к ее плечу:

– Надо же, как устала, бедненькая. Пойди домой, отдохни. Все образуется. Слышишь меня?

Кира слышала.

– Конечная, дочка. Приехали мы.

\*\*\*

Радислав Петрович тоже не дождался окончания праздничного банкета. Он улучил момент, когда сотрудники увлеклись развлекательной программой и знакомствами, и теперь ехал в своей машине в Виноградное. Там, в президентском люксе государственной гостиницы, его уже ждали два очень высокопоставленных человека. Один из них был ему знаком. Альберт Зибельманн состоял первым Советником президента с момента его избрания на этот пост. Поговаривали даже, что первый человек в стране обязан всем незаурядному Советнику. А теперь политик считал своим долгом лично присутствовать в Виноградном и следить за ходом событий вокруг объекта «Эс Икс». Все прочие дела он счел возможным переложить на плечи своих замов, в то время как ранее, даже в самых трудных ситуациях как своей личной, так и общественной жизни, не позволял себе подобного самоустранения от государственных дел. Однако теперь обстановка в Зоне Посещения складывалась совершенно не банальная и требовала соответствующего нестандартного поведения.

Пройдя тщательный досмотр у охраны перед номером гостиницы, директор Виноградской Зоны вошел в комнату.

– Добрый вечер, Радислав Петрович, – приветствовал его сам Советник. Это был сухой пожилой человек. Его лицо оставалось серьезным всегда, во всех случаях, сколько себя помнил директор, даже если обстановка этого не требовала.

– Вечер добрый, Альберт Фридрихович, – откликнулся на его приветствие директор и с легким поклоном протянул руку.

– Приятно вновь с вами встретиться, – Советник поспешно пожал его руку. – Но сегодня я не один. Вместе со мной из Москвы прилетел Советник президента по национальной безопасности. Прошу вас, познакомьтесь, – из роскошного кресла поднялся плотно сложенный человек, – Михаил Александрович Наумов.

Мужчины обменялись взглядами и крепким рукопожатием.

Рукопожатие военного было сильным и произвело на директора впечатление о новом знакомом скорее как о простом армейском командире, нежели как об умудренном опытом Советнике самого президента. Образ кабинетного работника высокого ранга совершенно не совпадал с обликом человека, которого он увидел перед собой.

– Надеюсь, – заметил Радислав Петрович с дружеской улыбкой, – что ваше появление в Виноградном, Михаил Александрович, связано с чисто научным интересом к новой находке.

– Ошибаетесь, драгоценный, – тем же тоном ответил ему военный. – Мой приезд продиктован исключительно профессиональной необходимостью, – он жестом пригласил обоих мужчин присесть в кресла. – Скоро вы все поймете. Всему свое время. Для начала мы бы хотели обсудить с вами возможности и перспективы применения найденного объекта «Эс Икс» в общегосударственных масштабах.

Наумов показался Радиславу Петровичу несколько странным в своей манере общаться, так как мог легко улавливать тон собеседника и подражать ему, но при этом вести за собой. Сам Радислав Петрович, потративший много времени на изучение особенностей устной речи и приемов убеждения, знал, что человек с такими навыками, как у этого военного, был талантливейшим переговорщиком. А сам Наумов в это время разливал на столике коньяк в бокалы.

– Прошу вас, господа. Альберт? Радислав? Позвольте без официоза?

Директор института утвердительно кивнул. Какие уж могут быть церемонии в компании с военным?

– Вы согласны, что в тесном приятельском кругу решать все вопросы гораздо проще? – обратился Наумов к Захвалевскому, протягивая бокал. – Особенно без привлечения званий,

регалий и уж тем более – отчеств. Одно дело, если Альберт, Слава и Миша собрались обсудить некоторые общие вопросы. И совсем другое – если о сложнейшей государственной проблеме дискутируют два Советника президента и руководитель знаменитого Виноградного НИИУ, – он даже поморщился от этих своих слов. – Оставим это для газет и телевидения. Они любят перетирать наши имена. А я предлагаю поднять бокалы за удивительные подарки инопланетных братьев по разуму. Мы надеемся хоть когда-нибудь разгадать все тайны их посещения и бытия.

Бокалы согласно звякнули.

– Ну, так как вы считаете, – заговорил Зибельманн очень серьезно и почти официально, несмотря на то, что Наумов пытался задать совершенно другой, дружеский тон, – Радислав Петрович, какие перспективы у нас, обладателей уникальнейшего объекта, и какое будущее ждет наших соотечественников вместе с этим артефактом?

– Мы только запустили масштабное исследование... – начал было свою отрепетированную речь директор, но Советник замахал на него руками:

– Даже не хочу этого слушать, – прервал он оратора. – Я знаю все, что вы собираетесь сказать. Но разве не достаточно было одного вашего выступления сегодня? Увольте! Давайте по существу. В наших руках объект, которого больше нет ни в одной другой Зоне мира. Все прочие государства, имеющие места посещений, рыщут теперь в поисках подобного объекта, прочесывая, если это слово применимо к Зоне, свои владения. Но – увы для них и к счастью для нас – пока ничего подобного не могут найти. Вы понимаете, что, обладая уникальным ресурсом, мы можем диктовать условия всем: и союзникам, и противникам. Вы понимаете, что это – путь к мировому господству без войн или грубой политики и насилия, а только посредством добровольного приобретения нашего объекта. Вы даете себе отчет в том, сколь мощный политический и экономический инструмент оказался в ваших руках? И лично от вас не требуется рассуждать в терминах науки. Вы понимаете? От вас требуется придать этому инструменту такую форму – и если потребуется, то и содержание, – чтобы мы могли использовать его в государственных и национальных интересах.

Зибельманн пригубил коньяка и, как будто на миг позабыв о сути разговора, похвалил:

– Хорош... Ну, так что, как вы мыслите в этой плоскости?

Радислав Петрович помолчал, прежде чем ответить. Задача была впервые сформулирована предельно конкретно. Она требовала не гипотез и размышлений, а только действий по ее разрешению.

– Коньяк действительно хорош, – произнес он немного задумчиво и, помедлив, продолжил. – А что касается уникальности объекта, то я согласен с вами по всем вопросам. Безусловно, мы сделаем все, что только будет от нас зависеть, чтобы предоставить готовый продукт в установленные вами сроки. Мне хочется заметить и заверить вас, что я всецело понимаю и разделяю государственные интересы и ваши требования. Однако тщательность и научность исследований будет проверяться и контролироваться лично мною. Если необходимые нам свойства и эффекты будут получены и доказаны в процессе экспериментов, то в тот же момент вам будут даны все рекомендации по применению и использованию этого объекта.

– А что вы будете делать, если упомянутые вами свойства не будут обнаружены? – вмешался в разговор Михаил Александрович Наумов тоном черта-подстрекателя. – Что тогда?

– Ну, что может быть тогда? – наигранно простодушно ответил директор. – Тогда мы будем иметь дело совсем с другим объектом, и в зависимости от того, какие получим результаты, мы и предложим новые варианты использования. Вы же не хотите международного скандала, если, например, продадите «счастье», а покупатели получают что-то иное, абсолютно не стоящее тех денег, или услуг, или политических уступок, которые предложат вам в обмен на этот объект?

– Ты смотришь прямо в корень, Радислав, и я этому очень и очень рад, – военный по-братски похлопал по плечу директора и закурил сигару. Тот не ожидал столь быстрого сокращения дистанции и был ошарашен. Короткая фраза военного Советника, так не вязавшаяся с его высокой должностью и положением, поразила директора своей неповторимой открытостью, как будто все они действительно собрались в узком кругу поговорить не о государственных проблемах, а о рыбалке или женщинах...

– И здесь, – продолжал блюститель национальной безопасности свою речь, указав пальцем в пол, – я буду отстаивать государственные интересы всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, – он почему-то посмотрел на Зибельманна, как будто эти слова обращал именно к нему, и слегка повысил голос. – А средств в моем распоряжении, уж будьте покойны, найдется при необходимости превеликое множество.

– Ясно, ясно, – поспешно кивнул в ответ главный Советник и снова обратился к Радиславу Петровичу:

– Послушайте, но вы же не можете не согласиться с тем, что счастье является постоянным стремлением человека! Мы можем так эффектно преподать наше найденное «счастье», что в считанные годы построим сильнейшее в мире государство. Вся жизнь счастливого человека уже наполнена до краев, он ни в чем не нуждается. Мы не можем упускать такую великолепную возможность использовать этот объект в управленческих целях. Мы просто обязаны его применить!

Радислав Петрович в ответ только развел руками:

– И опять с вами невозможно спорить, но я вынужден буду повториться: все действия мы будем предпринимать только после всецелого и всестороннего исследования объекта «Эс Икс». Тогда же мы будем делать выводы и продумывать стратегии.

– Хорошо, – немного устало согласился Зибельманн. – В таком случае мне остается только передать заинтересованность президента и Верховного Совета в положительном исходе всех ваших исследований, – он значительно посмотрел на директора, давая понять, что тот обязан подчиниться и сделать все, чтобы найденный объект действительно оказался «счастьем» в полном и окончательном смысле этого слова.

Радислав Петрович в ответ благоразумно кивнул, глядя в холодные глаза Советника.

– Ну, я думаю, Альберт Фридрихович, – продолжил военный своим спокойным рассудительным тоном, каким и подобает быть истинному тону Советника президента, – что ваше резюме к беседе будет очень уместным. Времени уже много, а мне бы еще хотелось задать Радиславу несколько вопросов по своей специфике.

«Актер! – восхищенно отметил про себя Захвалевский. – Это же надо уметь так меняться и контролировать положение и самого себя!»

– Да, да, – нехотя поддержал его идею Советник. – Я думаю, пора заканчивать. А что касается резюме, так в нем нет специальной необходимости. Я вижу, что мы с Радиславом Петровичем друг друга прекрасно поняли, и эта встреча будет считаться контрольной и плановой. Впредь мы так и будем видеться по субботам и обмениваться информацией. Я говорю «обмениваться», потому что хочу не только получать сведения из Зоны, но и транслировать предложения Верховного Совета и лично господина президента. Засим позвольте откланяться, господа. Всего доброго.

Альберт Фридрихович встал и, пожав руку директору, вышел из комнаты.

Михаил Александрович, ничуть не смутившись, что Советник не удостоил его даже прощальным кивком, продолжал потягивать коньяк и выглядел абсолютно невозмутимым.

– Ну что ж, вот мы и избавились от Вечного Советника президента, а теперь давай познакомимся поближе, Радислав. Я думаю, в свете дальнейшего разговора это будет очень даже полезно и необходимо для нас обоих. Я вижу, тебе несколько непривычно общаться с высокопоставленными лицами на ты, однако не стесняйся, поверь, мне не нужен этот официоз. Мне

нужны доверительные и дружественные отношения с человеком, который знает ситуацию в Зоне. И не просто в Зоне, а в такой, которая находится теперь на прицеле у многих заинтересованных лиц. И пусть «прицел» пока только фигура речи, одна из моих задач – не допустить превращения нашей Зоны в настоящую мишень. И я не хочу недомолвок или какой бы то ни было двойной игры. Понял?

– Понял, – Радислав Петрович быстро сориентировался, что в таких обстоятельствах дружба будет более выгодна, чем просто знакомство, попутно удивляясь и восторгаясь актерскими способностями «командира». Он принял правила игры «на короткой ноге» и решил посмотреть, к чему это приведет. Вопросов было много, но очевидно было одно: обстановка вокруг Зоны складывалась действительно непростая.

– Ну вот и отлично, – в это время военный уже снова наполнил бокалы. И дружески продолжил беседу. – Ты знаешь, а я ведь бывал в этих ваших Зонах, такого там насмотрелся, что упаси господь каждого! Никому не пожелаю. Я много разного в жизни видел, но такого... Если бы я, например, захотел захватить менее развитую цивилизацию, то наставил бы на их планетке вот таких же Зон-капканов, чтоб они сами себя, дураки, извели, и без единого выстрела взял бы свой трофей. Так что отношение, Радислав, у меня к этим местечкам посещения особое. А ты, как хозяин здешних владений, должен поспособствовать мне в одном очень непростом деле. Но об этом чуть позже. Давай выпьем за наше знакомство. Не знаю, как ты, а я ему очень рад.

– Как же, как же! Я тоже искренне рад. Со всей подмеченной тобой дальновидностью я буду использовать нашу дружбу в целях защиты своей Виноградной Зоны от различных непрошенных гостей.

– За знакомство.

– За знакомство.

– Стоп, – остановил его руку с бокалом военный и серьезно, как о деле государственной важности, спросил, глядя в глаза. – Ты с водителем?

– Ну а то как же? – развел руками директор.

Они рассмеялись, понимая друг друга.

– Тогда давай. Сейчас горячее принесут. Разговор долгий будет. Давай.

– Давай.

После плотного ужина и приятной мужской беседы о различных вещах, не имеющих к судьбам государства прямого отношения, они, уже немного выпившие, но, как два истинных политика, находившиеся в здравом уме, расположились возле камина.

– Балуюсь вот иногда, – пояснил Наумов, доставая из шикарной деревянной коробки сигару. – Не желаешь?

В ответ Захвалевский лишь отрицательно мотнул головой.

– Так вот о чем я хотел поговорить с тобой, Слава, – начал военный.

– О сталкерах? – предположил тот.

– О каких, к черту, сталкерах? – с раздражением отмел его идею Михаил Александрович. – Пусть ими ваша поселковая милиция занимается. Есть вещи посерьезнее этих мелких, но храбрых воришек. Кстати, никогда не думал, что могло бы быть, если они поволокли объект не вам, а куда-нибудь за границу? То-то! Молодцы ребята. Патриоты... Я бы их даже помиловал... Но не буду...

Он затаился, выпустил струю дыма в потолок и продолжил:

– Так вот. Речь не об этом. Слышал ли ты хоть что-нибудь о каких-нибудь религиозных съездах, конгрессах, слетах на своей территории?

Директор отрицательно покачал головой.

– А о сектантах, наплодившихся вокруг Зоны и благодаря ей? Тоже нет? Ну, ты все-таки извини, но сухарь ты научный после этого, и больше никто!.. Ладно-ладно!.. Беру слова обратно, хотя ты и не заслуживаешь...

Еще одна струя дыма ушла в потолок.

– Так вот. Рассказываю, раз ты такой темный. Как известно, – начал Наумов повествовательным тоном сказочника, но тут же сам себя прервал, – всем известно, заметь, но только не тебе!

И снова продолжил говорить:

– ... Что вокруг всех Зон, независимо от места их положения и строгости охраны, начинают паразитировать все известные нам религиозные конфессии, а также секты самого различного толка и характера. Раньше они истолковывали на свой религиозный лад смысл Посещения, открывали обывателям глаза на суть происходящего – а попросту говоря, по прежней схеме тянули из простого народа деньги на свое далеко не нищенское существование. Теперь, с появлением этой находки, доставленной то ли провидением, то ли волей случая именно в нашу Зону, они еще больше раскипятились и берутся объяснить не только сами места Посещений – кстати, порой довольно связно, ты бы только послушал, – но и это «счастье», якобы дарованное всем правоверным. И вот тут начинается самое интересное. Просто детектив и боевик в одном флаконе. Одни в голос орут, что «счастье» даровано как вознаграждение за тысячетлетнее служение богу только истинным верующим, а прочие, неверные и служители дьявола, должны гореть в геенне огненной. Конечно, все – от мелкой секты до крупной религиозной организации – считают именно свою веру правильной и именно себя достойными этой щедрой награды своего бога и готовы доказать это в последней смертельной битве за свою веру. Другие, менее воинственно настроенные, утверждают, что пришло на землю царство божие и любой человек, яко дитя господне, должен вкушать дар небесный независимо от его вероисповедания, ибо добр многоликий господь их и человеколюбец. Аминь.

Директору показалось, что последнее слово рассказчик яростно сплюнул, однако тот лишь размял в пепельнице окурки и продолжил:

– Не надейся, судьба не обошла твою родную Виноградную подопечную этими блаженными толкователями. У меня есть очень достоверная и сугубо конфиденциальная информация о присутствии сильных религиозных лидеров и в селе Виноградном, и в близлежащих городах. Одним словом, готовится война фанатиков. Не больше и не меньше. Заметь, не только между собой война, но и с вами, с профессорами твоими, за право обладания этой манной небесной. Я уже подписал приказ о стягивании сюда некоторых элитных подразделений. Пока все будет тихо, братцы мои тоже будут растворяться среди прочих зевак. Как только запахнет жареным, будем решать вопрос круче.

– Да уж. Порадовал. Ничего не скажешь... – директор Виноградной был явно озадачен и представил уже свой кабинет, затянутый маскировочной сеткой, под перекрестным обстрелом враждующих сторон. – Я тебе завтра начальника своей безопасности пришлю побеседовать. Может, глаза и уши у него приоткроются. Не только персонал будет гонять за просроченные пропуска. А туристов с завтрашнего дня вообще ни одного не пушу. И журналистов со всякими там независимыми наблюдателями тоже.

– Ну вот и славно. Я чувствую, ты понимающий. А сам берегись. Возможны различные провокации со стороны этих «правоверных». А еще больше береги информацию. Все, кто будут отвечать у тебя за обобщение и хранение данных, чтоб были своими, на сто раз проверенными людьми. За каждым, если хоть малейшее такое подозрение возникнет, тут же мне говори, присмотрим. Я думаю, ты понимаешь, почему мне нужны самые оперативные сведения о ходе исследования. Мне надо знать, стоит ли той крови ваш объект. А о нашем разговоре старайся ни с кем не болтать. Сам понимаешь, меньше огласки – больше шансов на добрый исход и долгую жизнь.

Радислав Петрович задумчиво покивал в знак согласия.

Военный поднялся с места:

– Вот теперь действительно поздно. Пора прощаться.

Директор института тоже встал.

– Мой офицер тебя проводит, расположи его где-нибудь там на ночь, а завтра своего безопасника ему вручи, пусть заодно побеседуют. Чего уж меня отрывать. У меня других дел... И запомни: никаких пропусков ни мне, ни моим людям никогда не давай и не подписывай, у нас такой острой необходимости не возникнет. Нечего нам там в мирное время делать, а война придет, так и пропусков спрашивать не будем – сровняем с землей к чертям собачьим, и все!.. Ну ладно, Радислав, бывай.

Он пожал директору руку и проводил его до двери, сдав на попечение своему офицеру.

\*\*\*

Наутро после странного путешествия в Виноградное Кира проснулась с сильной головной болью. Голова была тяжелая и как будто вытасченная из другой реальности, так как в этой она была совсем неуместна: картинка в глазах то подтормаживала, то забегала чуть вперед...

Кира включила душ, попутно разминая шею и плечи, позволяя струям воды омыwać не только тело, но и чувства и мысли. Она неспешно наблюдала за тем, как они очищаются, становятся светлее, превращаются в прозрачные потоки воды...

Выходя из душа, она уже чувствовала себя свежей и почти собой. Она раздернула шторы и потянулась вверх, в стороны, очень медленно и сладко растягивая все мышцы одну за другой. Начав с «Приветствия Солнцу», она медленно выполнила еще несколько асан, плавно перетекая из одной в другую, прочувствовала шею, плечи, спину, бока, ноги... Улыбка пролилась ответом-благодарностью тела на заботу о нем. Кира ощутила полную готовность встретить сегодняшний день и постараться разрешить все загадки, которые он ей преподнесет.

Вот и первая мысль: поговорить с Виктором Ивановичем. И мысль эта была настолько законченная, как уже свершившийся факт. Она еще не знала, зачем ей нужно говорить с заведующим лабораторией и о чем пойдет речь. Просто чувствовала, что, кроме него, ей никто не сможет помочь. Автоматически она собиралась на работу и уже у входа, вспомнив, что сегодня воскресенье – выходной, – присела на диван.

«Все равно пойду, – решительно встала Кира, – во-первых, у меня круглосуточный доступ в лабораторию, а во-вторых, ничто не мешает мне посидеть в библиотеке».

Вопреки ожиданиям, в институте было много людей: располагались на новых рабочих местах новые сотрудники, знакомились с индивидуальными планами работы, здесь же, в кабинетах и коридорах, распаковывалось оборудование, монтировались таблички на дверях.

Пройдя мимо своей двери, она направилась сразу к кабинету наставника, надеясь, что хоть Виктор Иванович сегодня отдыхает. Но нет. На ее стук сразу ответило громкое «Войдите!», и Кира распахнула перед собой дверь.

– Доброе утро, Виктор Иванович, вам тоже не отдыхается?

– Не отдыхается. Здравствуй. Проходи, рассказывай, что стряслось.

– От вас ничего не скроешь. Действительно, случилось, – она виновато улыбнулась. – Голова с утра болела...

Заведующий в ответ только хмыкнул: мол, давай говори, что на самом деле произошло, кроме головы.

Кира вздохнула и попыталась придумать, как бы так рассказать о том, что ее беспокоило. Но как выразить словами невыразимое? То, что ей самой еще не было отчетливо понятно? И тут она вспомнила вчерашний автобус из Виноградного и его невидимых пассажиров.

– Виктор Иванович, вы никогда не говорили раньше, а я не спрашивала, а теперь вот хочу спросить... – начала она нерешительно.

– Ну? – выжидательно смотрел на нее поверх очков пожилой академик.

– Расскажите мне о своей семье. Вы же были женаты? У вас есть дети?

Виктор Иванович вздохнул и, сняв очки, подошел к окну и отвернулся.

– Был я женат, дочка, восемнадцать лет. Двое парней у меня растут – двадцати одного и двадцати трех лет, учатся. Приезжают, навещают иногда. А Настя, жена моя, – при этих словах Кира вздрогнула, вспомнив вчерашнего попутчика в автобусе, – покинула меня шесть лет назад. Погибла, – прошептал он.

– А что с ней случилось? – так же тихо, не справляясь с волнением, проговорила Кира.

– Рак. Она никогда ни на что не жаловалась. Всегда была доброй, отзывчивой, приветливой. До самого последнего момента мы не знали, что она больна. И только когда ее увезли на скорой, мы узнали о ее несчастье, которое она так долго носила в себе и ни словом не обмолвилась, – Виктор Иванович смахнул слезу. – Мы были с ней тогда, в ее последний час, рыдали все трое, как дети, а она, преодолевая нечеловеческую боль, улыбнулась и сказала: «Не плачьте, мальчики мои, я всегда буду с вами!» Прошло столько лет, а я не могу забыть этого ангела-хранителя во плоти. Не могу забыть тепло ее рук, цвет ее глаз, доброту ее слов. Я как будто навсегда остался там, у ее последнего вздоха, где время остановилось и для нее, и для меня.

Он замолчал. Кира была потрясена. Она налила в стакан воды и подошла к наставнику:

– Вода, Виктор Иванович... Простите, что заставила вас вспомнить вашу боль.

– Нет. Я ее постоянно помню, – он сделал глоток. – Все в порядке.

Академик отошел от Киры и сел в кресло.

– Просто я никак не могу смириться с этой потерей, – и устало добавил: – Ну а тебе-то что до этого? Зачем завела разговор?

Кира подошла и села напротив него:

– Виктор Иванович, я хочу спросить, а чем же вы живете теперь, если жизнь не несет вам счастья?

– Ну, почему же, – с горечью улыбнулся он, – совсем недавно я был очень рад, что моя ученица стала обладательницей первой премии.

– Рады, Виктор Иванович, но не счастливы.

Он опять опустил голову.

Некоторое время они помолчали.

– Так зачем все-таки ты завела этот разговор?

– Неужели вам не хочется побежать прямо сейчас в камеру хранения и стать счастливым?! – услышала свой голос Кира и подняла взгляд на учителя. – Забыть боль, страдание?

В следующую секунду в глазах заведующего сменили друг друга непонимание, злость, разочарование, насмешка, отеческая забота – и наконец наступил эмоциональный штиль:

– Тебе, возможно, еще рано понимать, за что и для чего дается боль. Постараюсь объяснить просто: это мой крест. В своих воспоминаниях я храню самое бесценное, что только можно придумать на земле. Это определяет мои мысли, мои поступки, всю мою жизнь. Пойми, Анастасия действительно всегда со мной. Она никогда меня не покидает. И только благодаря ее любви и терпению я добился в жизни очень многого. И до сих пор добиваюсь. Таким она меня любила. Таким она и теперь видит меня и улыбается мне, потому что знает, вся моя жизнь посвящена ей, величайшей женщине...

Кира молчала, понимая, что вторглась своим неосторожным любопытством в святая святых человека, которого безмерно уважала и ценила.

Виктор Иванович вздохнул и продолжил:

– В одной мудрой книге я когда-то давно прочитал, что подлинное счастье состоит не в безграничном потреблении и наслаждении, а в самосовершенствовании, в процессе которого человек должен познать три ключевых смысла. Первый: понять и принять, что он – это душа, которая имеет вечную природу. Клайв Стейплз Льюис, тот самый, что придумал Нарнию, красиво и точно описал эту идею. Он говорил: «У тебя нет души. Ты – душа. У тебя есть тело». Второй смысл: познать Бога. Заниматься этим можно всю жизнь и не устать. Спроси о том

святых людей и тех, кто Ему по-настоящему служит. И третий смысл: познать свои отношения с Богом. И делать это, несмотря ни на что, даже тогда – и особенно тогда! – когда Он, казалось бы, отнимает у тебя самое ценное... Я познаю, Кира, до сих пор познаю свои отношения с Ним. Тебе покажется это странным, но сердце мое радуется от той глубины, которая открывается мне. И в этом всем совершенно нет места тому, что наши коллеги поспешно назвали «неизвестным счастьем», или «Эс Икс».

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.